

СССР и «холокост» в Испании

Mihail Novikov

(K.D. Ushinsky, Yaroslavl State Pedagogical University, Russia)

USSR and «holocaust» in Spain

Книга известного британского специалиста по истории гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Пола Престона «Испанский холокост» (Нью-Йорк; Лондон, 2012)* посвящена исследованию насилия и террора в тылу обеих воюющих сторон. В отечественной историографии эта тема ещё специально не рассматривалась.

Придерживаясь демократических взглядов, Престон стремится в своей монографии к восстановлению исторической справедливости¹. Его возмущает то, что и теперь генерал Ф. Франко и его режим положительно оцениваются консервативными авторами, поддерживающими мифы об «экономическом чуде» Испании 1960-х гг., о её «нейтралитете» в годы Второй мировой войны и о том, будто Гражданская война была необходима для спасения страны, которую иначе захватили бы коммунисты (р. XII). По мнению Престона, напрасно считая коммунистическую угрозу причиной начала гражданской войны в Испании, многие ошибочно изображают её как конфликт между двумя более или менее одинаковыми сторонами, несущими равную ответственность за гибель невинных жертв. «Более того, антикоммунизм, нежелание верить, что офицеры и джентльмены могли быть вовлечены в преднамеренные массовые убийства гражданского населения», как раз и привели к тому, что насилие в тылу изучалось меньше всего (р. XII). «Я долго думал о правомерности использования термина “холокост” в названии данной книги, — пишет Престон. — Меня глубоко печалит и возмущает преднамеренная и спланированная попытка нацистов истребить европейских евреев, но меня также печалит и возмущают массовые страдания испан-

ского народа в ходе гражданской войны 1936–1939 гг. и в течение нескольких лет после её окончания. Я не смог подобрать слово, которое резюмировало бы испанский опыт более точно, чем “холокост”. Кроме того, на выбор этого слова повлиял тот факт, что франкисты, уничтожая ни в чём не повинных испанцев, использовали антисемитскую риторику и постоянно твердили, что репрессированные были инструментом большевистской еврейско-масонской” враждебной деятельности. Тем не менее использование мною термина “холокост” не претендует на то, чтобы приравнять испанские события к тому, что происходило на остальной части континентальной Европы в период нацистской оккупации» (р. XI–XII).

Антисемитизм в сочетании с антикоммунизмом и антимасонством действительно был заметным элементом франкистской пропаганды. Так, 28 сентября 1936 г. активный сторонник Франко кардинал И. Гома, выступая по радио по случаю освобождения Толедо от республиканцев, не подбирал выражений для осуждения «ублюдочных душ сыновей Москвы», «евреев и фримасонов», татаро-монгольской политической системы, «контролируемой еврейским интернационалом» (р. 185), а епископ Леона Хосе Альварес Миранда в это же время призывал католиков присоединяться к вооружённой борьбе против «советских евреев и безбожников-масонов» (р. 179). Франко также не раз упоминал в своей речи 31 декабря 1939 г. о том, что гражданская война предотвратила в Испании «еврейско-большевистско-масонскую революцию». Превознося антиеврейское законодательство Германии, он заявлял, что преследование евреев Фердинандом и Изабеллой в Испании в XV в.

* Preston P. The Spanish holocaust. N.Y.; L.: W.W. Norton and Company, 2012. 700 p.

указало верный путь германским нацистам, которые справедливо «преследуют и изолируют этот народ, отмеченный клеймом жадности и эгоизма». Доминирование этого народа, полагал Франко, «опасно для судьбы любой нации» (р. 471).

Антисемитская и антикоммунистическая риторика франкистов была связана не только с наличием среди их противников авторитетной коммунистической партии Испании, но и с активным вмешательством в испанский конфликт Советского Союза. Оказывая сторонникам республики гуманитарную, дипломатическую, экономическую, политическую и военную помощь, советское руководство стремилось прежде всего улучшить внешнеполитическое положение СССР, наладив взаимодействие с Францией и Англией на основе противодействия фашистской угрозе². Однако франкисты, как, впрочем, и все консервативные силы Европы, рассматривали действия СССР в Испании как попытку её советизации и превращения в ещё одну коммунистическую страну.

Между тем СССР был единственным европейским государством, оказавшим реальную помощь хрупкой испанской демократии в её борьбе с фашизмом. Именно благодаря этой помощи Испанская республика на равных сражалась в течение двух лет и девяти месяцев с международной коалицией реакционных сил. Вместе с тем, как указывает Престон, в ходе войны советские спецслужбы принимали участие в уничтожении гражданских лиц и военнопленных.

Престон детально расследует, кто и как определял участь 2 тыс. профранкистски настроенных офицеров, находившихся в самой большой мадридской тюрьме Карсел Модело. 6 ноября 1936 г., когда «мятежники были всего в 200 ярдах от неё» (р. 344), правительство Испанской республики приняло решение о переезде в Валенсию и поручило генералу Х. Миахе создать совет обороны Мадрида, наделив его самыми широкими полномочиями (р. 347). Как отмечает Престон, существует много домыслов о том, что инициатором расстрела заключённых был корреспондент «Правды» в Испании в 1936–1937 гг. М. Кольцов, который в силу своей личной близости к И.В. Сталину имел

широкие неофициальные полномочия (р. 350). Кстати, по словам И. Эренбурга, из советских участников гражданской войны в Испании Кольцов «был самым главным», «главнее советников»³. Такого же мнения придерживался и Э. Хемингуэй, считавший Кольцова «одной из самых значительных фигур в Испании»⁴. Тем не менее Престон пришёл к выводу, что вряд ли Кольцов мог распоряжаться судьбой узников Карсел Модело. Скорее всего, к принятию решения были причастны военный атташе посольства СССР в Мадриде В. Горев, руководители КПИ П. Чека и А. Михе, генерал Х. Миаха и полковник В. Рохо (р. 352–353). «Совершенно очевидно, – пишет историк, – что Миаха, Рохо, Горев и высшие руководители КПИ очень хотели, чтобы вопрос с заключёнными был решён как можно быстрее» (р. 357). Дав распоряжение об эвакуации и расстреле офицеров, они возложили ответственность за его исполнение на членов отдела охраны порядка Совета обороны Мадрида С. Каррильо, Х. Казорло и С. Понсела, которые могли рассчитывать на подразделения пятого коммунистического полка, а также на специальную бригаду, созданную агентом НКВД И.Р. Григулевичем для проведения спецопераций, и анархистов, контролировавших дороги из Мадрида и жаждавших расправы с профранкистски настроенными арестантами (р. 357).

7 ноября 1936 г. на совещании Совета обороны Мадрида, состоявшемся с участием анархистов, было решено всех заключённых разбить на три группы: «фашисты и опасные элементы» подлежали немедленному расстрелу, менее опасные (многие – в силу возраста и профессии) эвакуировались в окрестности Альбасете, а остальные освобождались под честное слово не воевать на стороне франкистов (р. 359). Эвакуация и расстрелы, начавшиеся в тот же день, продолжались до конца ноября (р. 360–377). Впоследствии франкисты на протяжении нескольких десятилетий вспоминали этот пример «красного варварства и жестокости», возлагая особую вину за казни на С. Каррильо, занимавшего в 1960–1982 гг. пост генерального секретаря ЦК КПИ (р. 378).

Престон обстоятельно освещает участие советских спецслужб в уничтоже-

нии своих политических противников. Руководил их действиями Лев Лазаревич Никольский, известный как Александр Орлов, Лев Фельдбин и т.д. Перед ним стояло много задач: борьба с франкистскими шпионами, организация партизанской войны и саботажа во франкистской зоне, создание республиканской секретной полиции и специальных бригад для противодействия «пятой колонне». Кроме того, выполняя директиву Сталина, он должен был уничтожать руководящих работников зарубежных компартий, не разделявших политику ВКП(б) и имевших контакты с Л.Д. Троцким (р. 406).

В Испании жертвой этой директивы стала малочисленная левозэкстремистская организация – Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ), во главе которой стояли отошедшие от КПИ Хоакин Маурин и Андреас Нин. Члены ПОУМ выступали против Коминтерна, считая создание антифашистского народного фронта ошибочным и контрреволюционным шагом, и даже осмелились пригласить в Испанию Троцкого, что вызвало гнев Сталина. При этом в партийной газете ПОУМ «Ла баталья» критиковались московские судебные процессы и говорилось о перерождении большевизма в сталинскую диктатуру. Практической реализацией сталинской директивы занимались испанские и советские спецслужбы, а пропагандистское прикрытие их действий обеспечивалось дипломатами СССР, аппаратом ЦК ВКП(б) и послушным руководством Коминтерна и КПИ.

Давление на сторонников Троцкого, в том числе и в Испании, усилилось после февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б), на котором Сталин заявил, что «в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчёвывания и разгрома»⁵. В соответствии с этой установкой пленум ЦК КПИ уже 5 марта 1937 г. принял резолюцию, предусматривавшую необходимость изгнания из политической жизни страны «банды ПОУМ», находящейся на службе международного фашизма⁶. На эту открытую угрозу расправы ПОУМ ответила вооружённым мятежом в Каталонии, начавшимся 3 мая и уже 8 мая закончив-

шимся полным поражением путчистов. Считая, что данное выступление, будучи следствием конфликта между КПИ и ПОУМ, не носило антиреспубликанского характера, премьер-министр Испанской республики Л. Кабальеро отказался преследовать его участников. Тогда КПИ организовала политический кризис, и новый глава правительства Х. Негрин выполнил все её требования: 15 июня 1937 г. ПОУМ была распущена, имущество её конфисковано, а наиболее активные руководители арестованы.

Важную роль в ликвидации ПОУМ и её лидеров сыграл А. Орлов, разработавший и осуществивший секретную операцию по дискредитации этой партии, объявленной «германо-франкистской шпионской организацией» (р. 409). На основании сфабрикованных им документов, переданных испанской службе безопасности, 16 июня 1937 г. полиция Барселоны арестовала лидера ПОУМ А. Нина. Поскольку руководителем Каталонии Луис Компанис считал обвинения Нина в шпионаже абсурдными и пытался ему помочь, арестованного перевели сначала в Валенсию, а затем в Мадрид. По приказу Орлова его пытали 4 дня, заставляя признать себя шпионом. Поскольку Нин этого не сделал и суду предъявить было нечего, Орлов решил его уничтожить. Лидера ПОУМ посадили в машину, в которой находились Орлов, Григулевич, два испанца и шофёр – немецкий коммунист. «Что не вызывает сомнения, – пишет Престон, – так это то, что Нина увезли на этой машине и убили недалеко от дороги» (р. 412). В книге также приводятся данные об уничтожении в Испании других людей, связанных с Троцким. Как сообщает автор, «в сентябре 1937 г. Орлов организовал убийство Эрвина Вольфа, который был секретарём Троцкого в Норвегии». Через 10 дней та же судьба постигла известного австрийского троцкиста Курта Ландау (р. 418–419).

Вскоре Сталин счёл нужным устранить тех, кто принимал активное участие в ликвидации ПОУМ. В частности, был отозван генеральный консул СССР в Барселоне В. Антонов-Овсеенко, которому затем предъявили обычное тогда обвинение в шпионаже и вредительстве и вынесли смертный приговор⁷. Орлов также полу-

чил вызов в Москву, где, скорее всего, исчез бы в застенках Лубянки. Но пыткам и неизбежной гибели он предпочёл измену и бегство в США, где затаился и впоследствии написал известные мемуары. Тогда же Орлов написал Троцкому анонимное письмо, предупреждая его о готовящемся покушении (Р. Меркадер уже получил своё задание).

Признавая, что пока ещё невозможно установить абсолютно точные цифры репрессированных в период гражданской войны в Испании, Престон, опираясь на десятки исследований, опубликованных в последние годы испанскими историками, указывает их основные параметры. Так, по документально подтверждённым подсчётам Хосе Луиса Ледесма, республиканцами было репрессировано 49 272 человека (р. XVI). Установить число казнённых во франкистской зоне гораздо сложнее из-за генеральной чистки архивов, проведённой в 1965–1985 г. «Миллионы документов, – констатирует Престон, – были утеряны в течение этих критических 20 лет, включая архивы единственной франкистской партии – Испанской фаланги, провинциальных департаментов полиции, тюрем и глав региональной франкистской власти – гражданских губернаторов. Колонны грузовиков увозили из архивов судебные протоколы по делам репрессированных. Наряду с умышленным уничтожением архивов были и так называемые “непреднамеренные” потери, когда городские советы продавали свои архивы тоннами на макулатуру» (р. XVI). К тому же многие смертные приговоры либо фальсифицировались, либо вообще не регистрировались. Никто не считал и гражданских лиц, погибших, например, во время наступления марроканских частей на Мадрид в сентябре–ноябре 1936 г. (р. XIII). Тем не менее, как полагает Престон, колоссальная работа, проведённая историками, позволяет утверждать, что франкисты репрессировали не менее 150 тыс. человек (р. XVIII). Престон приложил немало усилий для систематизации данных о количестве репрессированных во всех 14 регионах и 46 провинциях Испании того периода, представив в приложении к своей книге их наглядное графическое изображение

по стране в целом и по каждому региону в отдельности. Примечательно, что только в двух регионах – Новой Кастилии (Мадрид) и Каталонии (Барселона) от рук республиканцев погибло больше людей, чем было расстреляно франкистами (р. 665–671)⁸.

Работа Престона разделена на шесть глав, в которых последовательно рассматривается происхождение ненависти и насилия, организованный террор франкистов, спонтанные насилия в республиканской зоне в начале войны, методы защиты республики от внутренних врагов, действия Франко, направленные на планомерное физическое уничтожение своих противников, и его послевоенные репрессии против убеждённых республиканцев.

Автор обращает внимание на принципиальное различие в характере насилия в республиканской и франкистской зонах. «В случае с военными мятежниками, – пишет Престон, – проблема террора и уничтожения была центральной во всех их планах и приготовлениях. Осознавая подавляющий численный перевес городского и сельского рабочего класса, они были убеждены, что немедленное введение царства террора будет иметь решающее значение» (р. XIV). В республиканской зоне автор связывает насилие с нищетой, голодом и эксплуатацией, отмечает его неорганизованность и направленность не только против мятежников, но и против банкиров, промышленников, землевладельцев и просто богатых людей, а также священнослужителей. По словам историка, этот неорганизованный террор в основном завершился к декабрю 1936 г. (р. XIV). «В мятежной зоне, – утверждает Престон, – рабочий класс и либеральная буржуазия уничтожались даже в случае своего пассивного поведения. Напротив, несмотря на кризис государственных институтов, вызванный мятежом и как следствие внесудебными злоупотреблениями, республиканское руководство старалось обуздать жестокость экстремистов и восстановить работу государственных структур. Вооружённая милиция большинства левых партий и профсоюзов была настроена истреблять представителей духовенства, армии, высших слоёв общества и консервативной буржуазии. Другими

словами, они ставили своей целью создание революционного порядка и уничтожение военно-фашистского государства. Тем не менее руководство республики и большинство членов коммунистической и социалистической партий выступали против этого, так как они понимали, что республика нуждается в поддержке западной демократии и что необходим закон и порядок. Соответственно, они старались восстановить структуры для полноценного функционирования политической демократии» (р. 226).

Большую часть своей работы автор посвятил описанию террора франкистов. Вторая глава «Узаконенное насилие в мятежной зоне» разделена на две части. В первой («Террор Кейпо: записка юга») речь идёт о действиях одного из лидеров военных заговорщиков генерала Кейпо де Льяно и его подчинённых. Автор в деталях показывает процесс физического унижения и уничтожения ими всех подозрительных лиц, включая детей, стариков и беременных женщин. Так, после захвата Севильи 23 июля 1936 г. Кейпо де Льяно издал приказ, согласно которому руководители и участники забастовок подлежали расстрелу без суда и следствия. На следующий день он отдал приказ о том, что в случае «выявления фактов насилия в городах и деревнях лидеры марксистских и коммунистических организаций, проживающие там, будут расстреляны», а «в случае их отсутствия пропорциональное количество членов их организаций, выбранных по жребию, будут расстреляны без предъявления обвинения» (р. 142). Жестокость генерала и несоблюдение им даже видимости законности проявились, когда к нему обратилась группа мятежников, захвативших Кордову и просивших пополнить их запасы оружия и боеприпасов. Узнав, что в Кордове они никого не казнили, Кейпо де Льяно заявил: «Пока вы не расстреляете пару сотен, никакого оружия для вас больше не будет» (р. 166). Согласно приказам генерала в Гранаде было расстреляно более 5 тыс. гражданских лиц (в основном прямо на кладбище). «Служитель кладбища, – пишет Престон, – сошёл с ума и 4 августа был помещён в психиатрическую больницу. Три недели спустя его преемник с семьёй

были вынуждены покинуть дом у кладбищенских ворот, так как выстрелы, крики и стоны умирающих стали для них невыносимыми» (р. 173).

Наиболее известным из расстрелянных в Гранаде, причём не только в Испании, но и в мире, был поэт Федерико Гарсиа Лорка. Годы спустя франкисты стали утверждать, что Лорка стал жертвой не своих политических убеждений, а личной вражды, связанной с его гомосексуальными наклонностями. Престон опровергает эту версию и приводит факты, указывающие на политические причины уничтожения поэта, регулярно подписывавшего антифашистские манифесты и связанного с левыми организациями, такими, как Международная красная помощь (р. 174). В 1934 г. Лорка провозгласил: «Я всегда буду на стороне тех, кто ничего не имеет» (р. 173). Вызывая раздражение землевладельцев, он платил своим наёмным рабочим хорошую заработную плату, строил для них дома и давал деньги в долг. Дружба с министром испанского правительства социалистом Фернандо де лос Риосом также являлась, наряду с популярностью, политическими убеждениями и извращёнными наклонностями, одной из причин ненависти правых к Лорке (р. 174).

Престон приводит данные, свидетельствующие о личной причастности Кейпо де Льяно к смерти поэта. Когда правые начали охоту на «красных», Лорка укрылся в доме своего друга – члена фашистской фаланги. 16 августа в дом пришли вооружённые мятежники, объявившие Лорку шпионом Москвы и запросившие генерала о дальнейших действиях. Ответ Кейпо де Льяно был краток: «Дайте ему кофе». На сленге франкистов это означало расстрел. Ранним утром 18 августа 1936 г. приказ был приведён в исполнение (р. 174).

Во второй части («Террор Мола: записка Наварры, Галисии, Кастилии и Леоны») автор рассматривает деятельность мятежников в северных и центральных провинциях Испании, где ими руководил генерал Эмилио Мола. Накануне мятежа Мола, являвшийся одним из главных его организаторов, выслал находившемуся на территории Испанского Марокко полковнику Ягуэ специальные инструкции, в которых настаивал на трёх главных прин-

ципах действий: жестокости, быстроте и высокой мобильности. Мола напоминал, что «нерешительность ведёт только к поражению» (р. 132). Шесть дней спустя Ягуэ получил более детальные указания, предусматривавшие использование марокканских войск, наводивших ужас своими зверствами, предоставление контроля за соблюдением общественного порядка и безопасности в городах Испанской фаланге, арест всех подозрительных представителей республиканской власти, уничтожение масонов и членов левых организаций (коммунистов, анархистов и т.д.) и профсоюзов, закрытие всех мест, предназначенных для проведения общественных мероприятий, запрет демонстраций, забастовок, митингов и собраний. Такова была ночью 17 июля 1936 г. программа организации репрессий в Испанском Марокко, а в дальнейшем и на территории всей Испании. Выступая перед мэрами городов Наварры, поддерживавшими Франко, Мола убеждал их: «Необходимо шире использовать террор. Мы должны создать видимость нашего превосходства, уничтожая без всяких угрызений совести и без колебаний всех, кто думает иначе, чем мы. Нельзя проявлять малодушие, если мы упустим момент и не будем действовать с величайшей решительностью, мы не победим. Любой, кто прячет коммуниста или сторонника Народного фронта, должен быть расстрелян» (р. 179).

Говоря о жестокости мятежников, Престон цитирует и известный рассказ Кольцова о дикой расправе над лётчиком, совершённой вскоре после того, как республиканским командованием был издан приказ об охране вражеских пилотов, совершивших вынужденную посадку или прыгнувших с парашютом на территорию правительственных войск. Нарушители приказа подлежали военному суду⁹. «Как бы в ответ на великодушный приказ о гуманном обращении с лётчиками, – писал Кольцов, – фашисты сбросили на мадридский аэродром Барахас чудовищный груз. К парашюту был привязан деревянный ящик с надписью “Вальядолид”. Ящик раскрыли – в нём оказался изрубленный на куски труп, куча страшного кровавого мяса и обрывки одежды. По некоторым признакам удалось опознать тело рес-

публиканского лётчика-истребителя Хосе Галарса... Для того чтобы совершить своё деяние, фашисты должны были провозиться не менее нескольких часов. Им надо было по-мясницки рубить Хосе Галарса (мёртвого или живого?) на куски, затем сложить эти куски на простыню, завязать её узлом, поместить в ящик, прицепить к парашюту, вручить лётчику, совершить с ящиком полёт и сбросить»¹⁰. Под именем Х. Галарса в рядах республиканской авиации сражался советский доброволец Владимир Бочаров¹¹. «Как испанцу мне бесконечно стыдно рассказывать об этом, – писал позднее командующий республиканской авиацией Игнасио Идальго де Сиснерос, – но я считаю своим долгом сделать это, чтобы лишний раз напомнить людям, что представляет собой фашизм... Страшно и стыдно подумать, что в Испании могли родиться чудовища, способные на подобные зверства»¹².

В заключительной главе («Вклад Франко в террор») Престон анализирует ситуацию в Испании после победы франкистов и констатирует, что «война против Республики продолжалась, но другими средствами, не на полях сражения, а в военных трибуналах, в тюрьмах, в концентрационных лагерях, в трудовых батальонах, в преследовании тех, кто находился в изгнании» (р. 471). После 1 апреля 1939 г. в Испании была создана репрессивная система, основанная на внесудебном насилии и псевдозаконотворчестве, согласно которому военные якобы легально возглавили государство 16 и 17 июля 1936 г., т.е. до начала мятежа, а вооружённая борьба с ними сторонников республики являлась противодействием законной власти. В интервью по случаю годовщины мятежа в 1937 г. Франко заявил: «Национальное движение никогда не было восстанием. Красные были и остаются мятежниками» (р. 472–473). По словам Престона, этот созданный франкистами «миф о том, что защита Республики была преступным военным мятежом, был главным основанием при вынесении всех смертных приговоров» (р. 473). В книге детально описан процесс зачистки территорий, находившихся в республиканской зоне, с помощью как внесудебных расправ, так и созданной франкистами псевдосудебной

системы: военные назначали из своей среды судью, прокурора и адвоката, который, как правило, был младшим по воинскому званию (р. 473).

С большим упорством, считает Престон, франкисты требовали репатриации нескольких сотен тысяч испанских беженцев, перешедших французскую границу и находившихся в концентрационных лагерях на территории Франции. Их общее число к началу Второй мировой войны превышало 250 тыс. человек¹³. Особое значение при этом придавалось возвращению руководителей республики (всего около 1 тыс. человек), которых ожидала расправа. Так, после разгрома Франции нацистами в июне 1940 г. и образования на её неоккупированной части марионеточного правительства Виши франкистам удалось добиться экстрадиции нескольких видных политических деятелей, включая бывшего президента Каталонии Луиса Компаниса, расстрелянного 15 октября 1940 г. (р. 493). Бывшему премьер-министру Хуану Негрину удалось, воспользовавшись поддельным паспортом, покинуть Францию и перебраться в Мексику¹⁴. Драматично сложилась судьба другого премьер-министра – Ларго Кабальеро. Правительство Виши готовило его экстрадицию в Испанию, но после ликвидации марионеточного режима и полной оккупации Франции нацистами 73-летний политик был арестован гестапо и отправлен в концентрационный лагерь смерти Заксенхаузен. Престон убеждён, что в случае экстрадиции в Испанию Кабальеро грозил немедленный расстрел. Напуганный падением режима Муссолини, Франко не стал настаивать на выдаче своего противника, надеясь на его скорую гибель в Германии. Однако он выжил и был освобождён советскими войсками. Здоровье его, впрочем, оказалось подорвано, и в марте 1946 г. Кабальеро не стало (р. 502).

Престон детально освещает и террор республиканцев, но даже названия соответствующих глав и разделов («Последствия мятежа: спонтанное насилие в республиканской зоне», «Осаждённый Мадрид: угроза и ответ») свидетельствуют о том, что, по мнению автора, это был лишь вынужденный ответ на неслыханные жестокости франкистов. С утвержде-

ниями консервативных историков о том, что «за красным террором последовал белый террор»¹⁵, Престон категорически не согласен. «Воздушные бомбардировки городов, – пишет он, – часто вели в республиканской зоне к народным репрессиям». Так, Малагу постоянно бомбила морская авиация. В городе, контролировавшемся различными группами анархистов, были арестованы и помещены в местную тюрьму около 500 предполагаемых сторонников мятежа. После бомбардировки 22 августа, в ходе которой погибли 30 женщин, детей и пожилых людей, городской совет утвердил список из 65 заключённых, которых немедленно расстреляли. После бомбардировки 30 августа были расстреляны ещё 53 заключённых, 20 сентября – 43, 21 сентября – 17, 24 сентября – 97. Таким образом, из 1 100 репрессированных в Малаге 275 (25%) убили из-за бомбардировки города авиацией мятежников (р. 256). Более 8 тыс. сторонников Франко были казнены в Мадриде с 18 июля по конец декабря 1936 г. Самую большую их группу расстреляли во время осады Мадрида, когда создалась угроза захвата столицы франкистами. Прибытие из Бадахоса и других городов беженцев, рассказавших об ужасах, пережитых во время показательной массовой резни военными мирного населения, привело, как полагает Престон, к мести тем сторонникам мятежа, которые находились в мадридских тюрьмах (р. 281).

Подводя итог своему исследованию, Престон признаёт, что статистика испанского «холокоста» не только имеет изъяны, но и, к сожалению, никогда не будет исчерпывающей. И, разумеется, она не может отразить всю скорбь, стоящую за этими цифрами.

Примечания

¹ О других трудах П. Престона, всегда отличающихся профессионализмом и научной добросовестностью, см.: *Новиков М.В., Малай В.В.* Освещение гражданской войны в Испании на страницах английского исторического журнала // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 200–209; *Новиков М.В.* СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. Изд. 2. Ярославль, 2007. С. 148–149.

² *Новиков М.В.* Советский Союз и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. // Российская история. 2009. № 5. С. 51–63.

³ Литературная газета. 1988. 15 июня.

⁴ Там же.

⁵ *Сталин И.В.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников (Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.) // Коммунистический интернационал. 1937. № 3. С. 14.

⁶ За победу испанского народа в войне с фашистским мятежом и фашистским нашествием. Резолюция расширенного пленума ЦК компартии Испании по докладу Т. Диаса // Коммунистический интернационал. 1937. № 4. С. 75.

⁷ *Новиков М.В.* СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании... С. 285.

⁸ Подсчёт жертв гражданской войны долгие годы был предметом спекуляций и фальсификаций. В работах консервативных историков, как правило, число погибших во франкистской зоне занижалось, а в республиканской, наоборот, завышалось (часто говорилось про 50 и 72 тыс. погибших). Так, консервативный британский историк Дж. Хиллс утверждал, что франкисты расстреляли 40 тыс. во время войны и 40 тыс. после войны, всего 80 тыс. с 1936 по 1943 г., а

республиканцы во время войны – 60 тыс. (*Hills G.* Spain. N.Y.; Washington, 1970. P. 215). Его коллега из США писал, что красный террор, возможно, унёс больше жизней, чем репрессии франкистов (*Payne S.* The Spanish Revolution. N.Y., 1970. P. 225). Приводимые консерваторами данные впервые были подвергнуты сомнению в 1994 г. в статье С. Пейна, посвящённой анализу трудов испанских краеведов, тщательно расследовавших историю репрессий в ходе войны (*Payne S.G.* Regional Historiography of the Spanish Civil War // European History Quarterly. Vol. 24. № 3. 1994. P. 403–410).

⁹ *Кольцов М.* Испанский дневник // *Кольцов М.* Избранные произведения в трёх томах. Т. 3. М., 1957. С. 273–274.

¹⁰ Там же. С. 274–275.

¹¹ *Хосе-Володя. М.*, 1968. С. 46–78.

¹² Под знаменем Испанской республики: Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны испанского народа 1936–1939. М., 1965. С. 473.

¹³ *Кантор Л.М.* Помощь французского народа испанским беженцам во Франции в 1936–1939 годах. Ярославль, 1971. С. 152.

¹⁴ Там же. С. 156.

¹⁵ *Payne S.* The Spanish Revolution. P. 200.